
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Стефан Хедлунд **«“Невидимая рука”, российская история и общественные науки: подходы к объяснению системных кризисов»¹**

Г.А. ЯСТРЕБОВ*

*Ястребов Гордей Александрович – старший научный сотрудник, Лаборатория сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, НИУ ВШЭ. Адрес: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 238. E-mail: gordey.yastrebov@gmail.com

Представленная рецензия преследует цель ознакомить российского читателя с недавно вышедшей книгой известного шведского ученого, являющегося специалистом по экономической и социальной истории России, а также видным представителем современной институциональной школы в историко-экономическом анализе. Обсуждение российского пути развития в данной книге оказывается вписанным в более широкую канву философско-методологических рассуждений относительно состояния современных общественных наук (и в первую очередь экономических теорий), а, точнее, их способности адекватно отражать социально-экономическую реальность. В частности, в книге содержатся рассуждения о том, что делает капитализм системой, способствующей экономическому процветанию наций, и почему практика реформирования некоторых развивающихся стран и, прежде всего, России могла привести к неоднозначным результатам.

Ключевые слова: системные кризисы, российская история, «русская колея», рыночные реформы, зависимость от предшествующего пути развития, экономическая история, институциональная экономика, общественные науки, мультидисциплинарность

К сожалению, имя Стефана Хедлунда – профессора Уппсальского университета (Швеция), достаточно известного за рубежом специалиста по экономической и социальной истории нашей страны – сегодня по-прежнему знакомо только искушенному российскому читателю. Одни из его наиболее интересных работ о России

---

¹ Hedlund S. (2011) Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure. New York: Cambridge University Press.

и о том, почему радикальные рыночные преобразования начала 1990-х гг. привели к неоднозначным последствиям – “Russian Path Dependence”² (2005) и “Russia’s ‘Market’ Economy: a Bad Case of Predatory Capitalism”³ (1999) – при всей своей актуальности и злободневности до сих пор не были опубликованы на русском языке и, вероятно, поэтому даже сейчас не слишком часто цитируются большинством отечественных авторов, обращающихся в своих работах к аналогичным сюжетам. В связи с этим не стану скрывать, что сочту свою задачу выполненной, если представленная здесь рецензия простимулирует интерес к работам Хедлунда среди более широкого круга читателей.

Рецензируемая книга – в некотором смысле особенная для ее автора. И необычна она, прежде всего, тем, что, в отличие от прежних работ Хедлунда, сфокусированных на изучении российской экономической истории и отдельных ее эпизодах, в данном произведении Россия (причем не только опыт ее рыночных реформ) рассматривается лишь в качестве примера (хотя и центрального), с помощью которого автор пытается доказать несостоятельность господствующих представлений о том, что делает капитализм системой, способствующей экономическому процветанию наций. Обсуждение уникальности российского пути развития оказывается вписанным в более широкую канву философско-методологических рассуждений относительно состояния современных общественных наук (и в первую очередь экономических теорий), а, точнее, их способности адекватно отражать социально-экономическую реальность.

Неслучайно в название книги вынесена известная среди экономистов метафора «невидимой руки», введенная классиком экономической мысли Адамом Смитом для описания механизма, посредством которого преследование эгоистических интересов на уровне отдельных индивидов трансформируется в рост общественного благосостояния. Эта метафора стала олицетворением естественной экономической мощи, которую способен высвободить свободный рынок и связанной с этим фундаментальной теории, согласно которой наиболее эффективную координацию поведения экономических агентов в состоянии обеспечить только свободный рыночный обмен. Конечно, спустя более двухсот лет с момента возникновения этой метафоры, экономическая и социальная мысль совершила колоссальный скачок, но нет никаких сомнений в том, что этот сформулированный Смитом, базовый принцип составляет ядро господствующей в современных экономических науках неолиберальной парадигмы и, как следствие, находит отражение в реальной практике реформирования и государственного управления.

Однако Хедлунд задается вопросами: «В какой степени указанная парадигма действительно продолжает оправдывать возложенные на нее надежды? Может ли она быть использована если не для эффективного инжиниринга социальных изменений, то, по крайней мере, для прогнозирования и упреждения системных кризисов?». Чтобы продемонстрировать более широкий контекст своего обсуждения, автор, прежде всего, обращается к последнему, актуальному примеру – острому финансово-экономическому кризису, который разразился в США в 2007–2008 гг. и постепенно докатился до других развитых и развивающихся стран. Непосредственный механизм того, как разворачивался этот кризис, известен достаточно

² Российская зависимость от предшествующего пути развития.

³ Российская псевдорыночная экономика: тяжелый случай хищнического капитализма.

хорошо (напр.: [*Стиглиц* 2011]). Однако, по мнению Хедлунда, того же нельзя сказать о более фундаментальных его причинах, к которым сам автор относит неоправданно высокое доверие формальным рыночным институтам, связанное с этим недостаточное регулирование финансовой сферы, а также необъяснимую веру в то, что виртуальный мир, моделируемый с помощью современных экономических теорий и населенный абстрактным *homo economicus*'ом, не так уж сильно отличается от мира настоящего.

Хедлунд обращает внимание на следующий парадокс. На первый взгляд, по своему интеллектуальному оснащению современные экономические науки серьезно опередили другие отрасли общественных наук, чем в первую очередь они обязаны более активному использованию методов формальной логики и математического описания. В то же время, добившись выдающихся результатов в моделировании сложных социально-экономических процессов, экономисты ненамного приблизились к пониманию экономической действительности, о чем свидетельствует, во-первых, нередкие для развитых стран экономические кризисы, которые экономисты оказываются неспособны предсказать (в лучшем случае, они могут их объяснить *post factum*), а, во-вторых, то обстоятельство, что, казалось бы, одни и те же принципы организации экономической и социальной жизни с неодинаковой эффективностью работают в отдельных странах и приводят к разным последствиям.

Хедлунд также обращает внимание на растущий разрыв между богатыми и бедными государствами, который опровергает ставший некогда популярным тезис о неизбежной конвергенции, предполагающей, что бедные страны рано или поздно должны примерить на себя модель институциональной организации более развитых обществ и тем самым сократить свой разрыв с последними. Однако ни по форме, ни по экономическим результатам конвергенция, как мы видим, не происходит, даже вопреки желаниям и стараниям лидеров отдельных государств (причем не только в России). В частности, анализируя разрозненные данные о динамике экономического развития в разных странах, автор приходит к следующим выводам:

- государства, которым удалось вырваться из бедности, смогли сделать это без внешней финансовой и консультационной поддержки со стороны Запада;
- страны, которые совершили гигантский прорыв в экономической и социальной сфере в XX – начале XXI столетия (например, Китай, Южная Корея, Сингапур и др.) едва ли претендуют на роль примеров, подтверждающих теорию о триумфе свободного рынка и нелиберальных стратегий;
- разрыв между богатыми и бедными странами продолжает увеличиваться, причем более быстрыми темпами.

Фундаментальная проблема современных экономических теорий и создаваемых ими взглядов на то, как необходимо реформировать общества, по мнению Хедлунда, лежит в неверном представлении о том, как на самом деле устроено человеческое поведение. Однако проблему он видит даже не столько в том, что модель человека, используемая большинством экономистов в своих рассуждениях, является чрезмерно упрощенной⁴, сколько в том, что она содержит в себе имплицитную и потому практически неотрефлексированную предпосылку о тождественности эгоистических интересов (в том смысле, в каком их изначально по-

⁴ Эта проблема, как известно, сегодня успешно решается в новой институциональной экономической теории, а также благодаря развитию представлений о человеческом поведении в рамках поведенческой экономики.

нимал Адам Смит) и жадности (как стремление к чрезмерному обогащению, не считаясь со средствами). Развивая свою мысль относительно принципиальности различий между этими мотивами экономического поведения, Хедлунд реконструирует для читателя контекст, в котором создавалось классическое учение Адама Смита и, в частности, в котором могла родиться его идея «невидимой руки». Как это ни странно, но контекст этот автор связывает с той огромной ролью, которую западнохристианская мораль играла в жизни европейцев и которая, вполне вероятно, воспринималась самим Смитом как определенная социокультурная данность⁵, если не исключавшая, то, по крайней мере, минимизировавшая вероятность недобросовестного экономического поведения воображаемых им участников рынка ради чрезмерного обогащения. Этим примером Хедлунд подчеркивает тот факт, что для эффективного функционирования тех или иных институтов (например, создающих условия для свободного рыночного обмена) решающее значение могут играть системы ценностей, а также неформальные нормы и практики, которые обладают определенной исторической инерцией, т.е. формируются на протяжении продолжительных периодов времени и к тому же могут существенно различаться для отдельных народов в силу неодинаковости их культурно-исторического опыта.

Теперь можно задаться вопросами: «Какую эвристическую полезность с точки зрения рассмотренных выше сюжетов несет в себе анализ российской истории? Что общего находит Хедлунд между весьма неоднозначным опытом социально-экономических трансформаций в нашей стране и тем фундаментальным заблуждением по поводу человеческой природы, которое, по мнению автора, в том числе стало одной из причин, спровоцировавших мировой финансово-экономический кризис?».

Прежде всего, Хедлунд довольно красноречиво и аргументированно показывает, почему, с его точки зрения, рыночные реформы в России начала 1990-х гг. нельзя считать удавшимися. Список приводимых им фактов мало чем отличается от списка, который традиционно перечисляется бывшими и нынешними оппонентами либеральных экономических преобразований, проводившихся в жизнь командой реформаторов под руководством Е.Т. Гайдара, поэтому нет смысла останавливаться на нем подробно. Однако важно отметить то, что для Хедлунда глубокий экономический спад и тяжелые социальные последствия, с которыми Россия столкнулась в результате реформ, являются не только и не столько следствием масштабных структурных изменений в экономике, сколько колоссальными разрывом в формально рыночной организации социально-экономических отношений и теми привычными моделями поведения, которые были выработаны у населения за продолжительный исторический период и которые в новых условиях, вопреки теоретическим ожиданиями, привели к высвобождению деструктивного, а не конструктивного потенциала рынка. Вместо созидательного капитализма, в котором доминируют производительные установки экономических агентов, возник капитализм, в котором над производительным поведением стали доминировать оппортунизм и рентоискательство (*rent-seeking behaviour*).

Для того чтобы объяснить, почему это произошло в России, Хедлунд считает необходимым вернуть читателя в прошлое, на несколько столетий назад, к исторической развилке между Киевской и Московской Русью, которая предопредели-

⁵ Хедлунд также ссылается на то немаловажное обстоятельство, что сам Смит к тому же был не только глубоко религиозным человеком, но и являлся профессором нравственной философии.

ла институциональную траекторию российского развития на долгие годы вперед. Как ни странно, автор реконструирует контекст этого выбора, ссылаясь на работы преимущественно западных историков (в числе наиболее известных – Р. Пайпса и Дж. Биллингтона), а из числа русских ученых Хедлунд довольствуется лишь переводными работами В.О. Ключевского. Впрочем, его реконструкция оказывается во многом созвучной той, которой придерживаются некоторые современные отечественные авторы (напр.: [Бессонова 1999; Нуреев 2009; Шкаратан 2004 и др.]), в связи с чем в очередной раз приходится констатировать, что взаимная осведомленность западных и российских ученых о своих работах является недостаточной.

Как и названные исследователи, Хедлунд считает не совсем случайным тот факт, что московская модель русского государства выиграла в конкуренции с киевской (или, как ее еще называют, киевско-новгородской). При том, что он соглашается с влиянием монгольского нашествия на формирование специфической русской государственности, Хедлунд также считает, что значительная конкурентоспособность московской модели была обеспечена, прежде всего, за счет более высокого потенциала военной мобилизации, который являлся критическим фактором в противостоянии с соседними княжествами, а также в отражении постоянных военных угроз с Запада и Востока. В свою очередь, этот потенциал создавался благодаря своеобразной организации института собственности, в котором *вотчинный* принцип раздачи земель, соответствовавший типичному для настоящего феодализма безусловному частному владению, при котором владельцы могли распоряжаться землей по собственному усмотрению и наследовать ее потомкам, был замещен *поместным*, при котором собственность передавалась в распоряжение помещика государем под обязательство нести исправную службу. Рациональность такой системы была обусловлена тем, что это позволяло более эффективно мобилизовать имеющиеся человеческие ресурсы на борьбу с возникающими угрозами. Хедлунд также ссылается на такую специфическую для русской традиции форму принуждения к исполнению государственной воли, как «круговая порука», которая вынуждала князей и бояр доносить друг на друга за любые шептания или заговоры против царя и тем самым укрепляла властный потенциал русских монархов. Наконец, он указывает и на практику «кормления», по которой князья получали от царя право «кормиться» с собственных земель и крестьян, что при крайне ограниченных ресурсах освобождало первого от необходимости платить своим подданным регулярное жалование. Хедлунд заключает, что сложно было бы представить себе систему, более не расположенную к проявлению инициативы и предпринимательской активности, однако она прекрасно позволяла справляться с более насущными вызовами, которые стояли перед русским государством в то время.

О попытках модернизации российского государства в петровский период шведский ученый рассуждает в том же ключе: истинной целью реформ, начатых первым российским императором, как он считает, было достижение военного паритета с западноевропейскими государствами. Именно поэтому настоящий смысл преобразований сводился к повышению эффективности командного управления, но никак не к развитию инициативы «снизу». Пресловутая «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных», в том числе открывшая возможность для социального продвижения выходцам из низших сословий, превратила служение государству в высшую ценность и тем самым сделала бюрократический аппарат едва ли не сердцевинной российской общественной устройством. К этому следует добавить масштабную административную реформу, благодаря которой

в России был осуществлен переход от морально устаревших, организованных по территориальному принципу «приказов», к современным для того времени функциональным министерствам-коллегиям. Наконец, в логику укрепления жесткой административной системы вполне вписывается создание при Петре I Тайной канцелярии, обладавшей значительными полномочиями и выполнявшей функцию политического сыска – традиция, с которой Россия, как известно, не расстается и в настоящее время.

Анализируя дальнейшую российскую историю, Хедлунд находит крайне занимательным то обстоятельство, что после своеобразной модернизации, проведенной Петром I, российский исторический маятник немного расшатался – до событий 1917 г. России несколько раз довелось проходить через относительную либерализацию и попытки институционального подражания западноевропейским странам. Отмечает он и относительное ослабление зависимости дворянства от служения государству при Анне Иоанновне и Петре III, и Жалованную грамоту дворянству вместе с первыми робкими попытками высказаться за отмену крепостничества при Екатерине Великой⁶, и «брожение умов», спровоцированное победоносным шествием русской армии против Наполеона при Александре I, и, наконец, очередной виток либерализации при Александре II, ознаменованный отменой крепостного права, и земской реформой Петра Столыпина. Тем не менее нетрудно проследить, что практически каждая такая попытка сопровождалась неизбежной реакцией системы, в результате которой восстанавливались прежние формы отношений, вследствие чего государственные интересы продолжали довлеть над частными, мешая становлению полноценных капиталистических институтов.

Хроническая неспособность России к органической модернизации (смене социально-экономического устройства через формирование соответствующего запроса «снизу» (т.е. самим обществом), а не «сверху») замечательно иллюстрируется примером успешных, но при этом довольно неоднозначных по методам экономических преобразований С.Ю. Витте. Решая задачу индустриализации в России, Витте стоял перед серьезной проблемой, которая заключалась в отсутствии ресурсов для ее осуществления – прежде всего, необходимых технологий и производств, которые уже были доступны западным экономикам. В отличие от Европы, где эта задача была решена вполне естественным путем (благодаря техническому прогрессу, возросшей эффективности сельского хозяйства, высвобождению избыточного населения из сельской местности и ее перетоку в центры сосредоточения промышленности в городах), в России времен Николая II, как известно, она решалась вполне «советскими», т.е. отнюдь не рыночными, методами – путем изъятия значительной части продукции у крестьян через повышенное налогообложение и закупки необходимого оборудования за рубежом (метод, который метко и коротко был охарактеризован И.А. Вышнеградским простой формулой: «не доедим, но вывезем»).

Тем не менее, как считает Хедлунд, накануне событий 1917 г., во многом благодаря системным реформам, начатым при Александре II, институциональный порядок, сложившийся в России, пожалуй, как никогда за всю свою историю стал воспроизводить формы, характерные для нормального западноевропейского капитализма. Не отрицает он и высокой экономической успешности этих преобразований, которые на рубеже XIX–XX вв. вывели Российскую империю в число

⁶ Эти попытки, впрочем, очень скоро были пресечены в связи с пугачевским восстанием, а также волной революций, прокатившихся по Европе, убийством Марии-Антуанетты, Густава III и т.п.)

наиболее динамично развивающихся стран мира. Однако насколько данная система могла быть *устойчивой* в длительной исторической перспективе, учитывая предшествующий социально-исторический опыт? В своей книге Хедлунд уклоняется от прямого ответа на этот вопрос и рассматривает Первую мировую войну и Октябрьскую революцию как, в общем-то, случайные исторические события, которые в момент очевидной бифуркации подтолкнули развитие системы в определенном направлении. Но, несмотря на это, из развиваемой им же логики можно предположить, что вероятность ее отката сохранялась как достаточно высокая, поскольку базовый ингредиент для утверждения нормального капитализма – человек, для которого привычным и естественным является склонность к добросовестному труду, а также справедливому обмену результатов этого труда посредством свободного рыночного обмена – едва ли мог быть выпестован в системе, хронически подавлявшей частную предпринимательскую инициативу, оправдывая это подчинением частных интересов государственным.

Как бы то ни было, Хедлунд соглашается с тем, что феномен советского общества и советской экономики (вне зависимости от случайности или неслучайности его возникновения) «обнажил» черты специфического российского институционального порядка. Он также утверждает, этот феномен нигде не мог воплотиться столь органично, как в России с ее уникальной культурой и особым историческим опытом.

Прежде всего, в отличие от многих западных авторов, критически рассматривающих советскую систему, Хедлунд оговаривается, что рассуждать о ней, как об исключительно провальной и неэффективной конструкции, некорректно, поскольку понятие эффективности зависит от того, что мы вкладываем в это определение. Действительно, для экономистов, мыслящих рыночными категориями, советская система могла быть непродуктивной с экономической точки зрения, но она, бесспорно, была существенно эффективнее многих капиталистических стран в других отношениях – в проведении ускоренной индустриализации, ликвидации безграмотности, выстраивании системы социальных лифтов и даже в научном и военном отношениях долгое время сохраняла паритет с наиболее продвинутыми западными государствами.

Хедлунд проводит подробный анализ утопической программы «социализма», т.е. тот образ будущего, который рисовали для себя авторы этого проекта в России и которым также некогда восхищались многие западные интеллектуалы. Особое внимание он уделяет исследованию основательной теоретической проработки этой программы, причем не той ее вульгарно известной части, которая у многих сегодня ассоциируется с марксизмом-ленинизмом, а той, которая была связана со сложной системой экономического планирования, впоследствии созданной в СССР и вобравшей в себя лучшее из того, что было на тот момент в советской экономической и математической науке. Хедлунд подчеркивает, что, несмотря на критику, особенно заметную в рядах экономистов, придерживающихся откровенно неолиберальных взглядов, в этих теоретических выкладках социалистическая модель выглядела ничуть не хуже рыночной⁷.

⁷ Одним из наиболее ярких примеров, приводимых в книге, является известная многим экономистам-неоклассикам теорема польского экономиста Оскара Ланге, согласно которой даже в гипотетической социалистической экономике, где отсутствует частная собственность на средства производства (и, следовательно, мотив максимизации прибыли), можно добиться не менее эффективного распределения ресурсов, чем в рыночной экономике.

Однако данная модель при всех ее теоретических и, возможно, в меньшей степени очевидных фактических достоинствах на практике функционировала совсем иначе и, в конечном счете, потерпела крах. Почему? Хедлунд утверждает, что проблема заключалась не в том, что это была плохая идея с самого начала, а в том, что эта модель не учитывала тех реалий, в которых воплощалась: в своих теориях строители советского социализма исходили из совершенно ложной предпосылки о том, что, определив новые «правила игры», они заставят систему функционировать сообразно своим выкладкам.

Основной момент, на который обращает внимание Хедлунд, заключается в противоречии между насаждавшимися «сверху» принципами командной экономики и тем, как складывались реальные экономические отношения на микроуровне. Несмотря на формальный запрет каких-либо форм горизонтального (т.е. рыночного) обмена и его жесткое пресечение со стороны советских властей (за исключением короткого периода НЭПа), для советских предприятий и их работников вовлеченность в различные нелегальные практики парадоксальным образом превратилась в своеобразную социальную норму. Здесь Хедлунд ссылается на широко известные примеры того, как директора советских предприятий были вынуждены использовать свои неформальные связи для получения преференций и дополнительных ресурсов у вышестоящего начальства, на хроническое сокрытие излишков произведенной продукции для ее последующей реализации «на стороне», на воровство на предприятиях и т.п. Таким образом, социализм и государственное планирование определяли лишь формальную институциональную матрицу СССР, однако реальное поведение участников внутри этой матрицы, как оказалось, имело гораздо больше общего с «булочником»⁸ Адама Смита, чем с идеальной, утопической моделью «советского человека», который должен был жить по законам советской системы.

Наконец, Хедлунд подходит к реформам начала 1990-х гг. и пытается показать, что формальная смена декораций (отказ от тоталитарной идеологии и командно-административных методов управления экономикой, переход к политическому плюрализму и т.п.) не привела к тому, что нерыночное общество вдруг в одночасье стало рыночным. Упование реформаторов на то, что рыночная реальность окажется для русского человека более адекватной, чем реальность экономики социалистической, возможно, отчасти оправдалось. Но Хедлунд, тем не менее, считает, что и в этом ожидании было не меньше самонадеянности, чем в чаяниях строителей социализма. Ситуацию, сложившуюся в России, скорее, можно охарактеризовать как гигантский разрыв между формальными рыночными институтами, с одной стороны, и, с другой, нормами и практиками, которые вызревали в специфических обстоятельствах и за многие столетия глубоко укоренились в русской культуре. Эти нормы, проявившиеся, прежде всего, в пренебрежительном отношении к законам и частной собственности⁹, привели к тому, что вместо стимулов к созидательной деятельности экономическая свобода и вседозволенность создали беспрецедентные возможности для практически безнаказанного расхищения

⁸ Один из примеров, который использовал Адам Смит для описания типовой модели поведения производителя в рыночной экономике: булочник печет хлеб не для того, чтобы принести кому-то пользу, а только потому, что он тем самым зарабатывает себе на жизнь.

⁹ Хедлунд не преминул в этой связи процитировать и нынешнего российского премьер-министра Д.А. Медведева, посетовавшего в одной из своих официальных речей на русский «правовой нигилизм».

государственной собственности и извлечения колоссальных рент от владения наиболее «лакомыми кусками» российской экономики.

Но как формируются «правильные» неформальные нормы, превращающие капитализм и рыночную экономику в источники процветания? Хедлунд показывает, что отнюдь неслучайно капитализм сумел раскрыть свой полный потенциал именно в Западной Европе, что, с его точки зрения, является следствием стечения следующих четырех обстоятельств:

- наследование системы римского права (в котором исходно были сформулированы базисные определения прав собственности);
- интенсивное развитие средиземноморской торговли и сопровождавшее его расширение контрактных отношений и соответствующей контрактной культуры;
- рост городов, ставших сосредоточением ремесел, торговли и оплотом «третьего сословия»;
- феномен эпохи Просвещения, завершивший в некотором роде идеологическое и нравственное оформление капитализма в Европе.

Любопытно, но, развивая свою мысль об уникальности условий для формирования нормального капитализма в Западной Европе, Хедлунд невольно копирует ход мысли российского историка Л.С. Васильева, который вовсе считает частную собственность своего рода «социополитической мутацией» [Васильев 2011], т.е. феноменом, крайне не типичным для человеческих обществ в историческом и географическом масштабах¹⁰.

Однако Хедлунд также предостерегает, что, сложившись при определенных обстоятельствах, уникальные социокультурные особенности западных обществ не являются инвариантными и также могут подвергаться определенной эрозии. Механизм, о котором он пишет в этой связи, сильно напоминает тот, который еще до выхода данной книги подробно разрабатывался известным российским экономистом В.М. Полтеровичем применительно к отечественным реалиям начала 1990-х гг. и который получил название «институциональных ловушек» (напр.: [Полтерович 1999; Polterovich 2000]). Хедлунд, в частности, описывает следующий довольно неожиданный пример того, как власти скандинавских стран некогда предприняли попытку повысить налогообложение. Результатом данного эксперимента явилось то, что граждане стали чаще уходить от уплаты налогов, что до этого для успешной скандинавской модели являлось практически нонсенсом. Но самое удивительное произошло потом, после того, как, осознав опрометчивость собственных действий и столкнувшись с низкой собираемостью налогов, власти пошли на возврат налоговой ставки к прежнему уровню: неожиданно выработанная привычка у населения уходить от уплаты налогов оказалась настолько сильной, что даже при понизившихся ставках граждане уже не столь охотно были согласны играть по старым правилам. В некотором смысле аналогичная практика сложилась и в России, где повышение зарплат на коррупционноемких должностях не привело к ожидаемому эффекту (снижению коррупции) в силу высокой привлекательности «нечестной» деятельности.

Описанная выше ситуация, по мнению Хедлунда, по-прежнему представляет собой существенный теоретико-методологический вызов для современных обще-

¹⁰ Напомним, что Л.С. Васильев является к тому же автором популярной сегодня в России концепции «власти-собственности» как института, в корне противоположного институту частной собственности и являющегося «квинт-эссенцией всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории» [Васильев 2000, с. 100].

ственных наук. Несмотря на располагаемый сегодня учеными впечатляющий арсенал методов и теорий (помимо неоклассической парадигмы Хедлунд перечисляет такие направления анализа, как старый и новый институционализм, историческая и экономическая социология), мы до сих пор слабо представляем себе, как в обществах осуществляется институциональный выбор (или отбор). В какой степени этот выбор связан с определенными историческими обстоятельствами, а в какой – с прагматическими интересами политической элиты? Как следствия этого выбора в дальнейшем корректируются с учетом системы неформальных норм и практик, которые вполне самостоятельно могут вырабатываться обществом в ответ на те же исторические обстоятельства и совершаемый элитами институциональный выбор? И возможны ли в принципе эффективные целенаправленные воздействия на нормы, регулирующие человеческое поведение, с учетом этих обстоятельств? Анализируя последние достижения общественной мысли, включая существенное продвижение, которое, в частности, было совершено экономическими науками благодаря отказу от излишне строгих предпосылок (например, о рациональности и индивидуалистичности мотивов усредненного человека), Хедлунд заключает, что определенный прогресс в решении этих вопросов уже наметился. И, вне всякого сомнения, плодотворным шагом в эту сторону является наблюдаемый сегодня постепенный отказ ученых от узкодисциплинарной закрепленности и догматичности своих теорий в пользу более гибкого мультидисциплинарного синтеза, позволяющего создавать более полные и более реалистичные модели социальной реальности.

Книгу Хедлунда выгодно отличает то, что она может быть адресована чрезвычайно широкому кругу читателей. Все, кому интересны проблематика «российского пути», практика реформ и опыт построения капитализма в развитых и развивающихся странах, а также методология современных общественных наук, обязательно найдут в ней сюжеты, достойные более глубокого ознакомления и способствующие плодотворным размышлениям. Однако у автора данных строк есть и другое, весьма специфическое пожелание, что в числе ее читателей также найдут себя убежденные сторонники «правых» и «левых» взглядов на характер оптимального общественного устройства, поскольку в книге шведского ученого и те, и другие обнаружат аргументы, раскрывающие интеллектуальную несостоятельность каких-либо крайних убеждений в свете последних достижений научной мысли.

Литература

- Васильев Л.С. (2000) Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос.
- Васильев Л.С. (2011) Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Бессонова О.Э. (1999) Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Липкин А.И. (2007) Российская самодержавная система правления // ПОЛИС. № 3.
- Нуреев Р.М. (2009) Россия: особенности институционального развития. М.: НОРМА.
- Полтерович В.М. (1999) Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. № 2.

-
- Стиглиц Д. (2011) Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо.
- Шкаратан О.И. (2004) Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита-Пресс.
- Hedlund S. (1999) Russia's 'Market' Economy: a Bad Case of Predatory Capitalism. London: UCL Press.
- Hedlund S. (2005) Russian Path Dependence. London: Routledge.
- Hedlund S. (2011) Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure. New York: Cambridge University Press.
- Polterovich V.M. (2001) Institutional Traps // The New Russia: Transition Gone Awry. Eds. Klein L.R., Pomer M. Stanford University Press.

READINGS AND REFLECTIONS

Stefan Hedlund **'Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure'**

G. YASTREBOV*

*Gordey Yastrebov – Senior Lecturer, Sub-department of Economic Methodology and History, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 3, Bol’shoi Trekhsvyatitel’skii St., Moscow, 123022, Russian Federation. E-mail: gordey.yastrebov@gmail.com

Abstract

From the very beginning of Perestroika in the mid-1980s, the advocates of liberal reforms took little account (if at all) of the cultural and historical context, or sociocultural factors, in determining economic strategy. The actual policy of economic transformation in Russia relied on purely universalist prescriptions, putting too much faith in the market ‘magic’ rather than considering the non-market institutional factors of economic growth. It has been claimed that the history, the archetypes of the nation and its culture are of no significance to the economic progress of the country. Stefan Hedlund’s recent book may be considered an outstanding attempt to overcome this myopia in social sciences, which has led to false prescriptions and expectations about the radical market reform in a country, where economic tradition was historically market-contrary. However, unlike his earlier contributions, this book is much more ambitious in scope, as it attempts to put the Russian case at the core of the debate about the state of modern social sciences (especially economic sciences). Hedlund’s main argument is that they need to overcome their current mono-disciplinarity, and, particularly, the oversimplified understanding of the nature of human behavior. And although this claim is not so new in itself, he gives a brilliant example of how many existing approaches, such as new institutional economics, economic sociology, historical sociology and historical institutionalism may be salvaged to develop more salient explanations of why classical institutions of capitalism (i.e. market relations and private property) fail in promoting economic prosperity in certain cultural and historical contexts. The book provides insightful reading not only because it contains vivid descriptions of Russia’s history, which has shaped its cultural and institutional specificity, but also because it dares to bring in the

discussion of complex philosophical foundations of modern social theory that may also prove useful in understanding the fundamental roots of other systemic failures, including the recent world economic crisis.

Keywords: systemic failures, Russian history, ‘the Russian gauge’, market reform, path dependence, economic history, institutional economics, social sciences, multidisciplinary

References

- Bessonova O.E. (1999) *Razdatok: institucional'naya teoriya khozyaistvennogo razvitiya Rossii* [Redistribution: an Institutional Theory of Russia's Economic Development], Novosibirsk: IEiOPP SO RAN.
- Hedlund S. (1999) *Russia's 'Market' Economy: a Bad Case of Predatory Capitalism*, London: UCL Press.
- Hedlund S. (2005) *Russian Path Dependence*, London: Routledge.
- Hedlund S. (2011) *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*, New York: Cambridge University Press.
- Lipkin A.I. (2007) Rossiiskaya samodержavnaya sistema pravleniya [Russian Autocratic System of Government]. *Politicheskie issledovaniya*, no 3.
- Nureev R.M. (2009) *Rossiya: osobennosti institucional'nogo razvitiya* [Russia: Particular Features of Institutional Development], Moscow: NORMA.
- Polterovich V.M. (1999) Institucional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional Traps and Economic Reform]. *Ekonomika i matematicheskie metody*, no 2.
- Polterovich V.M. (2001) Institutional Traps. *The New Russia: Transition Gone Awry*. Eds. Klein L.R., Pomer M., Stanford University Press.
- Stiglitz J.E. (2011) *Krutoe pike. Amerika i novyi ekonomicheskii poryadok posle global'nogo krizisa* [Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy], Moscow: Eksmo.
- Shkaratan O.I. (2004) *Rossiiskii poryadok: vektor peremen* [Russian Order: a Vector of Change], Moscow: Vita-Press.
- Vasil'ev L.S. (2000) Vostok i Zapad v istorii (osnovnye parametry problematiki) [History of East and West (major problems)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative Pathways to Civilization], Moscow: Logos.
- Vasil'ev L.S. (2011) *Modernizatsiya kak istoricheskii fenomen (o general'nykh zakonomernostyakh evolyutsii)* [Modernization as a Historical Phenomenon (on the General Regularities in Evolution)], Moscow: Fond "Federal'naya missiya"